

4. Дузь І. М. Остап Вишня: нарис про творчість / І. М. Дузь. — Київ — Одеса: Вища школа, 1989. — 184 с.
5. Карпенко Ю. О. Вступ до мовознавства: підруч. / Ю. О. Карпенко. — Київ — Одеса: Либідь, 1991. — 290 с.
6. Мацько Л. І. Стилістика української мови: підручник / [за ред. Л. І. Мацько]; Л. І. Мацько, О. М. Сидоренко, О. М. Мацько. — К.: Вища школа, 2003. — 462 с.
7. Пономарів О. Д. Стилістика сучасної української мови: підручник / О. Д. Пономарів. — К.: Либідь, 1993. — 248 с.
8. Пришва Б. Г. Прийоми словесного комізму в творах Остапа Вишні / Б. Г. Пришва // Мовознавство. — 1976. — № 1. — С. 69 — 72.

~~А. П. Романченко~~

~~НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЯЗЫКОМ «ОХОТНИЧЬИХ УЛЫБОК» ОСТАПА ВИШНИ~~

~~В статье анализируются некоторые языковые средства, используемые Остапом Вишней в охотничьих очерках. Обращается внимание на особенности метафоры, синекдохи, лексических повторов, иностранной лексики, искажения звукового комплекса слова, особое внимание уделено созданию комического эффекта языковыми средствами.~~

~~Ключевые слова: метафора, синекдоха, лексический повтор, звукоподражание, комический эффект, юмор.~~

~~A. P. Romanchenko~~

~~OSTAP VYSHNYA'S "HUNTING SMILES" LANGUAGE OBSERVATION~~

~~The article deals with the analysis of some linguistic means used by Ostap Vyshnya in hunting essays. The author of the article pays attention to the peculiarities of metaphor, synecdoche, lexical repetition, foreign words which help to make a comical effect of the essays.~~

~~Key words: metaphor, synecdoche, lexical repetitions, comical effect.~~

УДК [811.161.1+811.161.2+811.112.2]’373.222/612.2

Ю. С. ФЕДОТОВА

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗООНИМА ‘СОБАКА’ (на материале русского, украинского и немецкого языков)

В статье рассматриваются проблемы специфики выбора образного средства как особого вида номинации зооморфизмов. Показано, что в этой лексической группе обнаруживаются как универсальные черты, так и специфические, идиоэтнические.

Ключевые слова: зооморфная метафора, зооморфизм, национальная специфика, картина мира.

Язык исследуется сегодня не только в своей основной коммуникативной функции, но и как предмет познания человека и общества в целом. Он помогает раскрыть представления древних людей о мире, а также современную ментальность нации. Да и человек теперь рассматривается не только как носитель языка, но и как представитель национальной культуры, обладающий определенным менталитетом, субъект познающий и оценивающий. Таким образом, антропоцентризм стал ключевой тенденцией в развитии лингвистики XX и начала XXI вв.

В этом аспекте и зоонимическая лексика как неотъемлемая часть каждого языка представляет собой чрезвычайно интересный и самобытный лексический пласт. Для раскрытия культурного содержания зооморфизмов представляется интересным описание языковых символов, стереотипов, эталонов, включающих зоонимы.

Некоторые учёные, в частности Ф. Н. Гукетлова, рассматривая зоонимы в лингвокультурологическом и этнолингвистическом аспектах, говорят о «зооморфном коде»: «Так как все эти ментальные структуры представляют собой окультуренные объекты, они причастны к культуре и обозначены в языке. Окультуренные смыслы в своей совокупности и образуют коды культуры. Любой культурный код предполагает наличие определенной семантической нагрузки, наличие маркеров, которые не каждый раз дешифруются носителем языка, а усваиваются им не только на основе собственного опыта, но и как унаследованные общенациональным культурным опытом» [3: 10]. Эти коды в языке считают универсальными, что не отменяет национального своеобразия зоонимической лексики.

Животные на протяжении всей истории человечества являлись неотъемлемой частью жизни людей. В мифопоэтической картине мира животные выступают символами. Впитывая характери-

стики, которыми наделил их человек, животные в соответствии со своей символической ролью становятся эталонными носителями этих качеств и характеристик. Употребление зоонимической лексики повсеместно и частотно, так как зооморфизм очень ёмок, самодостаточен сам по себе и позволяет высказать одним словом своё отношение к человеку: «Баран!», «Осёл!», «Хрюша!» и т. д. При этом говорящий, «помещая» характеристику человека в зооморфизм, не даёт прямой оценки, что снимает с него определённую ответственность за высказывание. Поступки людей становятся абсолютно открытыми для моральных оценок. Это важное свойство зооморфизмов подметили ещё в глубокой древности. Им активно пользовались баснописцы (Эзоп, И. А. Крылов и др.).

Зоолексемы, описывающие человека, не раз становились предметом лингвистического исследования. В частности, в последние годы этот пласт лексики рассматривается в работах российских учёных А. А. Киприяновой, Ц. Ц. Огдоновой, О. В. Галимовой и др. Но, как отмечает О. Галимова, и до сегодняшнего дня нет единой точки зрения даже относительно терминологии [2: 12]. Наиболее употребительным в лингвистике является термин «зооним». Некоторые учёные используют его как обозначение животного, живого существа, относящегося к миру животных, к фауне. Другие считают, что вряд ли можно применять данный термин для наименования животных, так как он традиционно употребляется в значении «собственное имя (кличка) животного как объект лингвистического изучения» [10: 257]. Так, одними из разновидностей зоонимов являются кинонимы — клички собак — и фелинонимы — клички котов [15: 194].

В. В. Морковкин полагает, что термин *зооним* является не вполне удачным: помимо неоднозначности, у него есть и другой недостаток. Присвоение некоторому слову квалификации «зооним», по мнению этого лингвиста, заслоняет то обстоятельство, что данное слово, наряду с собственно анимальным значением, может соотноситься и с денотатами, которые животными не являются. Кроме того, *зооним* может выступать в качестве исходного лексико-семантического варианта многозначного слова, а может быть одним из производных лексико-семантических вариантов такого слова. Именно по этой причине В. В. Морковкин предлагает такие термины, как *зоолексема* и *зоонимосодержащая лексема*. *Зоолексемой* он называет лексическую единицу, которая в исходном значении выступает в качестве названия определённого животного (напр., *слон*) [6: 25]. Встречается также термин *зоосемизм* (А. А. Киприянова) [5: 261].

Под *зоонимом* (*зоолексемой*) мы понимаем слова, обозначающие представителей животного мира, в том числе *анимализмы* — слова, образованные от названий животных, и *зооморфизмы* — названия животных в образном, метафорическом переосмыслении, употребляемые для характеристики человека. Их значения реализуются в составе идиом. Зооморфизмы интересуют нас как многомерное явление, способное покрывать участки объективной действительности, связанные с характеристикой социальных и психологических особенностей человеческой личности.

В статье мы рассматриваем зоонимы — лексемы, извлечённые методом сплошной выборки из толковых и фразеологических словарей русского, украинского и немецкого языков, причём к фразеологическим единицам вслед за Н. М. Шанским относим пословицы и поговорки.

Сопоставительное исследование зоонимов, употребляемых в переносном значении в составе устойчивых сочетаний, представляет несомненный научный интерес прежде всего для описания национальной языковой картины мира, так как любое сравнение языков приводит к установлению трёх основных свойств: всеобщих, сходных и отличительных. Как справедливо писал В. фон Гумбольдт, нельзя «...в достаточной мере познать характер одной нации, не изучив одновременно и другие, находящиеся с нею в тесной связи, контрастные отличия которых, с одной стороны, собственно и сформировали этот характер, а с другой стороны, единственно и позволяют полностью его понять...» [4: 319].

Метафора, универсальное средство познания и обобщения действительности в окружающем мире, является ключевой составляющей нашего исследования. Ведь рассмотренные нами зооморфизмы метафоричны по своей природе. Зооморфная метафора, моделируя языковую картину мира, прочно закрепляется в лексическом и фразеологическом фонде языка.

В. Г. Гак подчёркивает необходимость выявления «...закономерности переноса понятий из одной сферы в другую, отражающуюся в изменениях значений слов» [1: 18]. Например, названия животных при перенесении на людей обычно обозначают их внешний вид или черту характера (*лошадь*, *медведь*, *осёл*, *мокрая курица* (о человеке) и т. п.). Это, по мнению учёного, «чрезвычайно ценно для лингвистики, психологии, теории познания...» [1: 18]. Языковой материал, собранный методом сплошной выборки, показывает: наименование домашнего животного, живущего бок о бок, а порой и под одной крышей с человеком, встречается в речи наиболее часто как в номинативном, так и в переносном значении. По количеству переносных значений первое место занимает слово *собака*. Оно является объектом исследования в данной статье.

Образ **СОБАКИ** в русском языке многозначен. Он включает в себя как положительные, так и отрицательные характеристики человека. *Перен.*, *разг.* О злом, грубом человеке [Ож: 642]. *Прост.* Употребляется как бранное слово. *Прост.* Употребляется как выражение одобрения,

восхищения кем-либо [МАС, т. 4: 168]. По нашему мнению, неоднозначность образа *собаки* объясняется тем, что собака — одно из немногих животных, входящих в дом человека. Такое близкое соседство позволило носителю русского языка постоянно наблюдать за этим животным, подмечая в нем как положительные, так и отрицательные качества его характера. Из одобрительных характеристик *собаки* можно выделить такие семы, как *'разумный'*, *'верный'*, *'имеющий острый нюх'* и *'тонкий слух'*. Собака добрая и стережёт дом. Большинство таких переносных значений выступают в речи в форме компаративов: *верный как собака*, *как собака в глаза заглядывает*, — что свидетельствует о безоговорочной преданности этого животного. *Нюх как у собаки* — сверхострое обоняние. *Как побитая собака* — идти за кем-либо, уходить от кого-либо, возвращаться к кому-либо, смотреть на кого-либо с угнетённо-покорным, виноватым видом, с гнетущим чувством оскорблённого самолюбия. Кроме положительных характеристик, носитель русского языка подметил в животном и отрицательные качества. Г. М. Скляревская отмечает, что «гавкает» и «кусают» трансформировалось в переносное значение «злой», «жестокий» [7: 56]. Но это далеко не все негативные коннотации, встречающиеся в русском зоологизме *собака*. Можно выделить сему «ссора» в устойчивых словосочетаниях *лаяться как собака* — грубо разговаривать, ругаться; *рычать на кого-либо как собака* — грубо, зло говорить, выражать недовольство; *грызться как собаки* — ссориться, ругаться. Кроме того, в зооморфизме *собака* в русском языке очень чётко прослеживается концепт «недостойность» в устойчивых словосочетаниях *как собак нерезаных*, *всех собак вешать*, *голодный как собака*, *ни одна собака не посмотрит* (имеется в виду не то, что человек, а даже собака!). Противопоставление *человек — собака* вполне объяснимо. Ведь это животное должно подчиняться человеку. А это значит, что собственной воли у него нет. *Собака* ниже человека, несмотря на то, что живёт с ним под одной крышей. Ведь говорят же *ну что ты как собака привязался!* (ходишь за кем-либо и т. д.). Сема «недостойность» зафиксирована и в украинском языке. Ср.: *Не для пса ковбаса*. Тут *пес* — «человек, который не достоин чего-либо».

Как известно, важным для актуализации конкретного значения является конкретный контекст или конкретная коммуникативная ситуация. *Щенок* (рус.): «неопытный, незрелый в делах, ни на что не способный человек» — в одном контексте, в другом — «резвый, весёлый».

Отметим, что метафорические значения лексемы *собака* в русском и украинском языках практически совпадают. Это свидетельствует о схожести процессов восприятия и познания окружающей действительности русскими и украинцами. Причём чаще всего фразеологический образ «соотносится с зооморфным кодом культуры, т. е. совокупностью обусловленных культурой стереотипных представлениях о свойствах, характеристиках, особенностях поведения животного» [8: 297—298].

Слово *собака* в немецком языке также многозначно. Это и «домашнее животное» и зоометафорическое «человек». Идентичными являются и многие русско-немецкие фразеологизмы: *верный как собака* — *treu wie ein Hund*, *работать как собака* «точно, правильно, выполняя все поручения» — *ein scharfer H. sein*, и от такой работы (*собачьей работы*) «уставать», (смертельно) «уставать» — *müde wie ein (sein) H., tod müde sein*. Однако необходимо отметить, что в сравнении с русским и украинским немецкое *der Hund* не имеет в своём значении такой амбивалентности. образу собаки немцы приписывают скорее негативные характеристики. Ср. такие немецкие фразеологизмы: *ein scharfer Hund* «злой как собака», *ein dicker Hund* — разг. «грубая ошибка» *wie ein geprügelter Hund* «угнетённый, полный стыда», *j-d etw. geht vor die Hunde* «погибнуть пропасть, разориться». Собакой носители немецкого языка называют волны на море *wieße Hunde* и строгого судью *scharfer Hund*, чего нет ни в русском, ни в украинском языках. Среди выделенных негативных сем немецкого *der Hund* можно отметить следующие: «глупость» (*ein blöder H.*), «лживость» (*ein falscher H.*), «подлость» (*ein gemeiner H.*), «предательство» (*dieser H. von einem Verräter*), «трусливость» (*ein feiger H.*), «упрямство» (*ein sturer H.*).

Зооним *собака* входит во многие фразеологические единицы немецкого языка, имеющие русские соответствия: *wie H. und Katze leben* (*жить, как кошка с собакой*); *Hunde, du bellen, beißen nicht* (*собака лает, но не кусает*); *er ist bekannt wie ein bunter [scheckiger] Hund* (*человека каждая собака знает*). Встречаются фразеологизмы, в которых зооним *собака* присутствует только в немецком: *getroffener Hund bellt* (*на воре и шапка горит*); *mit allen Hunden gehetzt sein* (*пройти огонь и воду (и медные трубы)*) — *быть стреляной птицей*). Нами обнаружены и такие русско-немецкие фразеологические соответствия, в которых лексема *собака* встречается только в русском: *er versteht sich darauf* (*на чём-либо собаку съест*) и др.

Мифологическое сознание этносов отражается в различного рода немецких и русских приметах, присказках: *Hunde, die bellen, beißen nicht; stumme Hunde beißen gern* (*не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой*); *тихая собака нуще кусает*; *der einsame Hund hüte sich, gegen die Wölfe zu bellen* (*не годится одинокой собаке лаять на волчью стаю*) и др. [Duden 1997: 1651—1653; Duden 1963: 376—379].

Образ *собаки* в немецком языке формируют такие семы как «глупость», «лживость», «подлость», «преданность», «предательство», «трусливость», «упрямство» (о человеке).

Наблюдения показывают, что признаки, которые формируют образ *собаки* в русском и немецком языках, в основном совпадают. Однако следует отметить, что немцы словом *собака* называют более широкий круг предметов, явлений окружающей действительности: не только животное и человека, но и, например, волны на море. Несомненно, совпадение признаков, формирующих стереотипные метафорические образы *собаки* в русском, украинском и немецком языках, объяснимо как интралингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Среди них наиболее существенными являются родственные связи этих языков, принадлежность их к одной языковой семье; давняя прирученность, одомашнивание собаки; распространенность этого животного на территории России, Украины и Германии, а также общие сюжеты мифологических и фольклорных русских, украинских и немецких текстов.

1. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак. — М., 1988.
2. Галимова О. В. Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека (на материале русского и немецкого языков): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / О. В. Галимова. — Уфа, 2004. — 309 с.
3. Гукетлова Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале кабардино-черкесского, русского и французского языков) / Ф. Н. Гукетлова. — М., 2009.
4. Гумбольдт В. Язык и философия культуры В. Гумбольдт. — М., 1985.
5. Киприянова А. А. Об ассоциативной семантической нагрузке зоосемизмов А. А. Киприянова // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. — М., 1998 — Т. 1. — С. 260—262.
6. Морковкин В. В. Русские зоонимы в комплексном лингвистическом рассмотрении / В. В. Морковкин, А. В. Бонифид, Инкуй Чжэн // Русистика сегодня. — 1999. — № 3—4.
7. Склярская Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Склярская. — СПб., 1993.
8. Большой фразеологический словарь русского языка. Значения. Употребления. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. — М., 2006.
9. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1989—1991. — Т. 1—4.
10. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. — М., 2001.
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1991.
12. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой — М., 1985—1988.
13. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. первый / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. — М., 2004.
14. Словник української літературної мови. — К., 1972. — Т. 3.
15. Українська мова: Енциклопедія. — К., 2000.
16. Der Große DUDEN — Etymologie / Dr. phil. Habil Paul Grebe. — Mannheim, 1963. — Т. 7.
17. Duden. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarte. — Mannheim, 1997. — Band II.
18. Langenscheidt. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache / Herausgeber prof- Dr. Dieter Götz, Günter Haensch, Hans Wellman- München, 2008.

Список сокращений

Ож. — Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1991.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1985—1988.

Ю. С. Федотова

МЕТАФОРИЧНИЙ ПОТЕНЦІАЛ ЗООНІМУ ‘СОБАКА’

(на матеріалі російської, української та німецької мов)

У статті розглядаються проблеми специфіки вибору образного засобу як особливого виду номінації зооморфізмів. Показано, що в цій лексичній групі можна виявити як універсальні властивості, так і специфічні, ідіотетнічні.

Ключові слова: зооморфна метафора, зооморфізм, національна специфіка, картина світу.

Iu. S. Fedotova

METAPHORICAL POTENTIAL OF ZOOMORPHISM ‘DOG’

(on the basis of Russian, Ukrainian and German)

The author touches upon the problem of choosing expressive means specificity as a particular kind of zoomorphism nomination, and he shows that in this lexical group universal and specific, ethnic characteristic features can be found.

Key words: zoomorphism, national specificity, linguistic world picture.

УДК 811.161.1'44'373.21'374

Л. Н. ГУКОВА, Л. Ф. ФОМИНА

О ТИПОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ СЛОВАРЯ «МНОГОАСПЕКТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТОПОНИМОВ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ А. С. ПУШКИНА»

В статье представлены типологические черты словаря «Многоаспектная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина», созданного одесскими исследователями Л. Н. Гуковой и Л. Ф. Фоминой. Словарь характеризуется как моноаспектный, интегративный (апеллятивно-ономастический), антропоцентрический, объяснительный, полный, принадлежащий к типу феноменологической лексикографии.

Ключевые слова: словарь, словари языка А. С. Пушкина, типы словарей, картина мира языковой личности.

Современный антропоцентрический подход к интерпретации лингвистического материала позволяет увидеть в лексикографическом описании воссоздание модели (картины, образа) мира, а в писательской лексикографии — художественную модель индивидуально-авторского мировидения [11: 112]. Лексикографическая Пушкиниана в настоящее время уже значительна и, кроме общего четырёхтомного «Словаря языка Пушкина», созданного под редакцией В. В. Виноградова по программе Г. О. Винокура (1956—1961; 2-е изд. — 2000), включает ряд моноаспектных словарей, представляющих отдельные стороны художественного мира и языка писателя, отдельные пласты индивидуальной лексической системы, в том числе ономастической (см. подробнее в: [2: 5—7; 8: 3—7]).

В 2008 году в Одессе увидел свет словарь «Многоаспектная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина», составленный Л. Н. Гуковой и Л. Ф. Фоминой [3], который представляем вниманию специалистов в данной статье и рассматриваем ряд его типологических особенностей.

Читателей и исследователей творчества Пушкина поражает необъятность и многовекторность познавательного пространства поэта. В 1958 г. в своём обзоре достижений пушкинистики Б. С. Мейлах писал: «Гений Пушкина исключительно многосторонен. Его энциклопедизм, поистине беспредельный диапазон его интересов освещался в ряде работ о его исторических, философских, экономических взглядах, но сделано пока мало. Широкое поле для исследования разнообразных интересов Пушкина открывается специалистам самых различных областей наук — гуманитариям и естественникам» [5: 562]. О географическом диапазоне творчества Пушкина, насколько нам известно, до сих пор отсутствует фундаментальное исследование, а между тем его творения содержат широчайшее географическое полотно, охватывающее не только древние страны и города, не только все континенты и множество разнообразных европейских геообъектов, не только обширную географию России — от двух столиц до «Камчатской земли», — но также большое количество мифологических топообъектов, внутригородских топографических объектов — улиц, площадей, районов, парков, различных строений; описания дорог, трактов, мест религиозного культа — церквей, соборов, монастырей... Ещё богаче палитра их характеристик, ставших основным объектом представления в нашем словаре. Несмотря на чрезвычайную ценность самих топонимов, выступающих в роли элементов хронотопа и отражающих картину мира писателя, нам показалось ещё более интересным выявить и лексикографировать способы и средства их авторской идентификации и многоаспектной характеристики. Проанализировав собранный в словаре материал, мы выделили следующие основные аспекты авторской характеристики географических объектов и их номинаций.

1. Художественно-определяющий, который содержит оценочный, эмоционально-экспрессивный, личностный подход (*Михайловское — селенье, лес и дикий садик мой и скромная семья моей обитель; проклятое; душное для меня*).

2. Пространственно-дифференцирующий, основанный на дискретизации пространственного континуума, уточнении местоположения объекта (*Болдино — нижегородское имение; Зимний дворец — что против Петропавловской крепости*).

3. Историко-дифференцирующий, связанный с презентацией пространства в исторических координатах (*Ижорская и Карельская земля — некогда нам принадлежавшие, отторгнутые у нас незаконно*).

4. Логико-дифференцирующий, отражающий включение топонима в класс объектов географического ландшафта (*Лапола — деревня; Мойка — речка*).